ГРАНД-МАСТЕР ХЬЮГО
ГРАНД-МАСТЕР НЕБЬЮЛЫ

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

ВОЙНА ПЕРЕМЕН

ВЕТЕРАН

Ветеран
Фриц Ройтер Лейбер

Аннотация
Фриц Лейбер. Ветеран

Аннотация

Макс был странным человеком — это Фред понял сразу. Когда их небольшая компания собиралась у Сола, Макс любил рассказывать о войнах прошлого или будущего, причём делал он это так, будто сам побывал там. Фред не придавал этому особого значения, оставляя на совести Макса все его выдумки. Но однажды он попал в такое положение, что пришлось задуматься, а насколько соответствуют истине истории его друга.

Фриц Лейбер
Ветеран

Тип, откликавшийся на кличку «Лейтенант», лихо расправился с очередной солидной дозой «Левенсбрау». Он только что закончил повествование о необычной артиллерийской дуэли между немцами и русскими на Украинском фронте. И каким же великолепным фейерверком обмени-

вались тогда позиции противников!

Макс небрежно помахал рукой, не расставаясь с зажатой в ней небольшой бутылкой любимого светлого пива, и его взгляд заволокла дымка воспоминаний.

— В тот раз, когда пушки причинили такой огромный ущерб Копенгагену, — промолвил он, — все небо было исчерчено пурпурными полосами; городские колокольни резко вырисовывались на фоне яркого зарева, а мачты со спущенными парусами на британских кораблях походили на лес из крестов…

— Неужели союзники высадились и в этом месте? Первый раз слышу! — заявил кто-то притворно безразличным тоном.

— Это было при Наполеоне, — уточнил Макс. — В 1807 году. Тогда красные мундиры обстреляли город, чтобы затем завладеть датским флотом.

— Похоже, Макс, ты там присутствовал, — поинтересовался утвердительным тоном Вуди. Фраза вызвала дружный смех всех членов нашей компании, сгрудившихся вокруг стойки. В том, чтобы пропустить стаканчик-другой у продавца спиртного, нет ничего особенно веселого, а поэтому любая возможность подурачиться воспринимается присутствующими с энтузиазмом.

— А почему на корабельных мачтах не было парусов? — опять спросил кто-то.

— Потому что таким образом корабли, ведущие стрельбу, меньше рисковали поджечь свои собственные снасти. Такая штука, как паруса, вспыхивает в два счета, да и деревянный корабль зажечь не труднее, чем вязанку хвороста. Именно поэтому стрельба раскаленными ядрами так и не получила широкого распространения в морских сражениях. Да, кстати, раскаленные ядра в полете очень похожи на «большие красные огни» форта Мак-Генри, — невозмутимо продолжал Макс. — Я имею в виду тот случай, когда в дело были пущены легендарные ракеты Конгрева. И «разящие молнии» снарядов, выпущенных мортирами с кечей, оповестили мир о появлении артиллерии, способной вести прицельную стрельбу. При желании, в американском гимне можно найти подробное описание истории вооружений. — Макс огляделся с удовлетворенной улыбкой. — Ты прав, Вуди, я был там. Точно так же, как был вместе с марсианскими конфедератами, когда они сравняли с землей Коперник во время Второй колониальной войны. И, точно так же, как я сидел в индивидуальной ячейке в окопах Копейбавы через миллиард лет от нашего

времени. С этими чертовыми лучами с боевых венерианских кораблей, переворачивающими все вокруг вверх дном, я развлекался тем, что не позволял Земле разлететься вдребезги.

На этот раз все заржали, как ненормальные. Вуди медленно кивал головой, повторяя «Копенгаген, Коперник, и… как там он назвал третье местечко? Ну и фантазия у парня!» Лейтенант орал: «Еще бы, ты там бывал, да только в фантастических книжонках!»

Что касается меня, то я думал: «Господи, спасибо тебе за то, что среди нас есть немного чокнутые. В особенности, спасибо тебе за то, что есть отчаянные типы, которые не струхнут сказать то, что думают, но и не полезут в бутылку, если над ними посмеются. Так что никто не сможет понять, рассказывают ли они свои истории для хохмы, или верят в них, как в катехизис. В этой компании нет ни одного человека, кто принимал бы Макса всерьёз хотя бы на полпальца, но его все любят, потому что он никогда не обижается на подначивание».

— Я только хотел подчеркнуть, — продолжал Макс серьезным тоном, как только общее веселье немного поутихло, — что в деле вооружений нет ничего нового под Луной.

— А что, римляне тоже использовали ракеты? — спросил кто-то, перед этим уже интересовавшийся падением Копенгагена. На этот раз я смог определить, что любопытным был сам Сол, торчавший за стойкой.

— Нет. Они специализировались на катапульте, которую позднее называли «кранекен». Хотя… Если подумать как следует, то можно припомнить слова одного моего знакомого легионера, рассказывавшего, что, по его мнению, Архимед использовал ракеты с греческим огнем, чтобы поджечь оснастку римских галер в Сиракузах, а совсем не дурацкие громадные зеркала, которые были чистейшей выдумкой.

— Ты хочешь сказать, что ты не единственный участник этих рассказов про вечного вояку, сражающегося во всей вселенной? — Хриплый голос Вуди прозвучал издевательски торжественно, отразив, при этом, максимальную степень удивления.

— Ты еще спрашиваешь! — бросил Макс, неожиданно вспылив. — А как, по-твоему, тогда могут снова и снова возникать и повторяться войны?

— На кой черт повторять войну? — весело спросил Сол. — Что, одного раза бывает недостаточно?

— Уж не думаешь ли ты, что можно путешествовать во времени, не встревая при этом в конфликты той или иной эпохи?

Я тоже добавил немного перца в завязавшуюся острую дискуссию:

— В любом случае, то, что тебе сказал римский легионер, делает из Архимеда первого изобретателя ракет на жидком топливе.

Макс искоса глянул на меня и улыбнулся.

— Да, конечно, — подтвердил он через несколько секунд размышления. — Но, разумеется, только на этой планете.

При этих словах общее веселье, несколько уже поутихшее, вновь забушевало вокруг нас. Сквозь смех и галдеж я услышал тираду Вуди:

— Она великолепна, твоя идея о повторении войн… Особенно, когда имеешь дело с этими чертовыми лучами…

Затем вмешался Лейтенант со своим чикагским акцентом:

— Значит, ты всерьёз утверждаешь, что дрался на Марсе?

— Вообще-то да, но история, которую я вам рассказывал, случилась на Луне. Я был участником экспедиционного корпуса, присланного с красной планеты.

— Ах, вот как! Теперь, если позволишь, я хотел бы узнать у тебя…

Когда я говорю, что интересуюсь чокнутыми, я говорю искренне. Любители летающих тарелочек, маньяки сверхчувственного восприятия, религиозные фанатики, философы или психологи с мозгами немного набекрень, даже просто симпатичные чудаки с великолепным воображением, как в случае Макса, — я помещаю их всех на один и тот же пьедестал. Это единственные личности, высоко несущие знамя индивидуализма в нашу бесцветную конформистскую эпоху; только они ещё в состоянии успешно сопротивляться современным тенденциям к стандартизации человека и бесконечным поискам мотивации его поступков. Единственным источником опасности для них (а также для наркоманов, проституток и других, выпадающих из общего ряда личностей) являются люди определенного типа с исключительно практичным складом ума, рассматривающие их как возможный источник прибыли. Поэтому я говорю всем немного тронувшимся: «Оставайтесь всегда независимыми. Никогда и никому не давайте и ни от кого не принимайте ни единого цента. Берите пример с Макса».

В это время между Максом и Лейтенантом завязалась дискуссия о проблемах, возникающих перед артиллеристами при стрельбе в безвоздушном пространстве или при слабом тяготении; эта тема была слишком специальной, чтобы поддерживать общую эйфорию. Поэтому Вуди запустил ещё один пробный шар:

— Послушай, Максимилиан! Если ты, таким образом, должен шататься по всем закоулкам Вселенной до скончания времен, то тебе вряд ли приходится часто бить баклуши? Как же это получилось, что у тебя нашлось время поддавать вместе с нами?

— Мне самому это не совсем понятно, — ответил Макс тем же тоном. — Но дело в том, что я оказался в нештатной ситуации из-за небольшой ошибки в моём командировочном удостоверении, и теперь мне приходится ждать, пока меня не обнаружат однополчане, чтобы я смог присоединиться к их подразделению. Если, конечно, до тех пор меня не сцапает подземный враг.

Вот тут-то и произошло нечто странное. В тот самый момент, когда Макс упомянул про подземного врага (что вызвало, разумеется, новую вспышку веселья, хотя и не такого буйного, как прежде) и когда Вуди провозгласил с ухмылкой:

— Ну, вот, теперь еще и подземная угроза. Что скажете об этом, парни?

Я как раз думал о том, что привнёс в мою жизнь Макс за последние две недели, о его почти эпическом стиле рассказчика, который он использовал, чтобы так живо рассказывать о прошлом, и ещё о чем-то кроме этого… Именно тогда я увидел пару красных глаз. Красных, как раскалённые угли, ярко светившихся на уровне мостовой в уже сгустившейся на улице темноте и явно следивших через запыленное стекло витрины за всем, что происходило в лавке.

Вы знаете не хуже меня, что витрины и стеклянные панели буквально заполонили современную Америку; они встречаются повсюду — от пригородных павильонов до фешенебельных салонов красоты; нельзя не упомянуть при этом и апартаменты в небоскребах, и административные офисы, занятые большими боссами. Они проникли даже в плавательные бассейны, где сплошные поверхности из стекла достигают семи метров в высоту. Я говорю это к тому, что лавочка Сола не была исключением из общего правила (впрочем, мне сдаётся, что закон требует этого в обязательном порядке от всех, торгующих спиртным). Получилось так, что из всей компании только

один я сидел лицом к витрине. Снаружи была темная безлунная ночь, дул сильный ветер. Улица, на которой устроился Сол, выглядела не слишком уютной даже днём и в хорошую погоду; кроме того, на противоположной стороне тоже были магазины, витринные стекла которых могли бросать необычные отблески. Поэтому я, заметив черную, неясно различимую голову с горящими, словно уголья, глазами, подумал, прежде всего, что это или два окурка, раздуваемые ветром, или, что вероятнее, задние фонари повернувшего за угол на перекрёстке автомобиля, отразившиеся в витрине напротив. Впрочем, через секунду всё исчезло — или машина скрылась за углом, или ветер унёс окурки в сторону. Тем не менее, у меня сохранилось странное тревожное чувство, настолько поразительным было совпадение этой оптической иллюзии и фразы Макса про подземного врага.

Надо полагать, что моё волнение не осталось незамеченным окружающими, потому что Вуди, у которого глаза всегда на макушке, весело окликнул меня:

— Что с тобой, Фред? Это лимонад так действует тебе на нервы, или от трепотни Макса стало тошно даже тебе, его лучшему другу?

Мак бросил на меня проницательный взгляд. Возможно, он тоже каким-то образом уловил мое внутреннее беспокойство, потому что тут же прикончил свою бутылку с пивом и сказал:

— По-моему, пора и по домам.

Хотя эта фраза и не была адресована непосредственно мне, он почему-то не сводил с меня глаз. Я тоже поставил свою бутылку на стойку. Там еще оставалось на треть лимонада, слишком сладкого на мой вкус, хотя это и был самый горький содовый напиток, какой только можно было найти у Сола. Затем Макс рывком подтянул к подбородку застежку металлической молнии своей куртки, я повторил это движение, и мы вышли из дверей лавочки, встреченные на пороге порывом ледяного ветра.

— Завтра вечером, — крикнул нам на прощанье Лейтенант, — мы обсудим более совершенный вариант космической пушки!

Сол бросил вслед своё обычное:

— Держитесь верного курса!

Что касается Вуди, то он провозгласил, подняв бутылку:

— Пока, солдаты Вселенной!

Я без труда мог угадать, что за закрывшейся дверью он продолжал:

— Этот Макс, он совершенно чокнутый, да и Фредди не лучше! Подумать только — пить лимонад! Тьфу!

Очутившись на улице, мы тут же вступили в борьбу с ветром, стараясь защитить глаза от пыли. Нам нужно было пройти всего три квартала, чтобы добраться до маленькой квартирки Макса — его гурби, как можно сказать, если не бояться упрёка в лингвистических излишествах.

Я нигде не видел большого черного пса с красными глазами; впрочем, я и не надеялся увидеть его.

* * *

Почему я придавал такое значение Максу, его военно-историческим фантазиям и нашей дружбе?

Пожалуй, чтобы разобраться в этом, стоит начать с моего детства. Я был робким, замкнутым ребенком, росшим без братьев и сестёр, на которых мог бы опереться в первых жизненных коллизиях. Точно так же, я никогда не переживал того обычного для большинства детей периода, когда мальчишка входит в состав группы одногодков.

Параллельно с возмужанием, пришедшемся на

период между двумя войнами и закончившемся примерно в 1939 году, я постепенно превратился в убеждённого либерала, ненавидевшего войну с силой, тяготевшей скорее к мистицизму, чем к какой-либо реальной причине. В связи с этим, я необычно гордился тем, что упорно избегал военной службы на всём протяжении второй мировой войны. Правда, я всё же позволил себе работать на большом военном заводе, не желая следовать героическим путём истерического пацифизма.

Но затем наступила неизбежная реакция, вызванная той специфической особенностью либерального склада ума, которая всегда позволяла мне разглядеть, хотя и с некоторым опозданием, второй аспект любой проблемы. Я начал интересоваться профессией военного, вообще солдатами и их жизнью, потом — робко восхищаться ими. Сначала почти непроизвольно, затем всё с большим и большим интересом я осознавал необходимость и даже некоторую романтичность военной деятельности, которую для меня олицетворял часовой (нередко такой же одинокий, как я), охраняющий окруженный враждебным миром лагерь, определяемый нами как братство единомышленников, или, в более широком смысле, как наша цивилизация. Необ-

ходимость такого часового очевидна, несмотря на известную истину, согласно которой война неизбежно приводит человека к иррациональному поведению, к проявлениям жестокости и садизма, создавая при этом благоприятную обстановку для торговцев оружием, реакционеров и прочей нечисти.

Вскоре я стал расценивать свою нелюбовь ко всему военному как попытку в какой-то степени скрыть свою трусость; это послужило основанием для решения любым способом отдать должное второму аспекту истины. Нет ничего проще, чем считать себя храбрецом только потому, что у тебя появилось желание стать им. В нашем до предела цивилизованном обществе редко предоставляется возможность совершить какой-либо мужественный поступок. Такая возможность — нечто совершенно противоположное спокойной жизни и повседневной суете, к которым так привычен горожанин, живущий в условиях мирного времени; они — эти возможности — как правило, могут появиться в жизни каждого мужчина только в годы юности. Таким образом, тот, кто мечтает ступить на дорогу доблести, может годами ждать, пока ему не представится подходящий случай; а потом он может от неожиданности испортить

всё за несколько секунд.

В итоге я пришёл, хотя и весьма сложным путём, к внутреннему протесту против своего примитивного пацифизма.

Первоначально это проявлялось в чисто литературном плане — я стал буквально глотать посвящённые войне книги, написанные как для специалистов-историков, так и для рядовых читателей; кроме того, я не делал различия между реалистическими произведениями и фантастикой. Я старался усвоить военную специфику, военный жаргон разных эпох, запомнить сведения об организации вооруженных сил разных стран, их стратегии, тактике и вооружении. Такие герои, как Трос Самофракийский[1] или Горацио Хорнбловер[2] стали предметом моего тайного поклонения наряду с курсантами-космонавтами Хайнлайна и Балларда и другими героями космоса. Наступил, однако, момент, ко-

---

[1] Примечания: 1

Трос (или Трой, др. — греч. Trwj) — персонаж древнегреческой мифологии. Сын афинского царя Эрихфония, внук Дардана, отец Ила, Ассарака и Ганимеда, мифический царь Фригии и эпоним г. Трои.

[2] Примечания: 2

Горацио Хорнблауэр (англ. Horatio Hornblower) — вымышленный персонаж, офицер Королевского Британского Флота в период наполеоновских войн, созданный писателем С. С. Форестером, впоследствии герой фильма и телесериала. Один из популярнейших в англоязычном мире героев военно-морских приключений.

гда всего этого стало мне недостаточно. Теперь мне были нужны живые солдаты — во плоти и крови; таких вояк я, в конце концов, нашел в небольшой компании, собиравшейся вечерами у Сола. Как ни странно, но продавцы спиртного, в лавках которых можно выпивать, не отходя от прилавка, имеют клиентуру с более дружелюбным и содержательным характером, чем владельцы баров. Может быть, это связано с тем, что в лавках нет ни электропроигрывателей, ни бильярда; здесь вы не встретите ни уличных красоток, охотящихся за очередной жертвой, ни ищущих ссоры забияк, ни типов, жаждущих нализаться до бессознательного состояния. Как бы то ни было, именно у Сола я познакомился с Вуди, Лейтенантом, Бертом, Майком, Полом и, естественно, с самим Солом. Разумеется, любой случайно оказавшийся здесь посторонний решил бы, что видит обычную компанию мирных пьянчуг, а не опытных бойцов. Но я уловил два-три незначительных признака, побудивших меня чаще заглядывать к Солу. Сначала я незаметно сидел в углу, прихлебывая время от времени свой символический лимонад, но мне не пришлось долго ожидать плодов своей настойчивости. Компания быстро развязала языки настолько, чтобы

добраться до начала цепочки воспоминаний, в которых присутствовали Северная Африка, Сталинград, Анцио, Тихий океан, Корея… Мне было с чем поздравить себя.

Потом у Сола появился Макс — примерно около месяца тому назад. Я сразу же узнал в нем человека, которого всегда мечтал встретить. Помимо того, что он был военным до мозга костей, в нем ярко проявилась та же, что и у меня, склонность к военной истории. Конечно, его эрудиция была несравненно более обширной, чем у меня; по сравнению с Максом, я был жалким любителем. Помимо всего прочего, он обладал совершенно неотразимым юмором, характерным для несколько свихнувшихся типов. В конце концов, он почувствовал ко мне по-настоящему дружеские чувства, какие могут возникнуть только между двумя мужчинами-единомышленниками. Вскоре мы стали чем-то большим, чем парой завсегдатаев кабачка. Макс оказался именно тем человеком, который был мне необходим, хотя я тогда не имел ни малейшего представления о его целях и намерениях, да и вообще о том, что он представлял из себя.

Разумеется, он не стал навязываться в друзья к посетителям Сола в первый же вечер. Он удо-

вольствовался тем, что молча пил свое пиво, мало-помалу прощупывая территорию, почти так же, как это было со мной. Но столько черт в нем напоминало ветерана — общий облик, мощные плечи, загорелое обветренное лицо, несколько усталая улыбка, глаза, повидавшие, казалось, все на свете — что компания, как мне кажется, охотно приняла бы его в свой круг с самого начала. На третий или четвертый день, когда Берт заговорил о контрнаступлении Рунштедта на Арденнском выступе, Макс вмешался в разговор, рассказав о том, что он видел в эти дни в Бастони. По беглому взгляду, которым обменялись Берт и Лейтенант, я понял, что новичок был принят, и что отныне он стал седьмым членом нашей группы. Что касается меня, то я оставался завсегдатаем-любителем, присутствие которого просто терпят, потому что я никогда не скрывал полное отсутствие у меня военного опыта.

Через некоторое время Вуди выдал нам историю, выдуманную от начала до конца, и вот тут-то и началась хохма о ветеране всех времен и всех миров. Именно с этого момента все, сказанное Максом, стало нам казаться смешным, хотя вообще-то мы должны были видеть в нем всего лишь чудака, немного помешанного на истории и

обожающего излагать предмет своего увлечения в несколько своеобразной форме. Не исключено, что так думал не только я, но и остальные члены нашей компании. Однако рассказы новичка отличались такой правдоподобностью описаний, таким, сказал бы я, изяществом, что в них чувствовалось нечто большее, чем просто результат специфического помешательства. Иногда в его рассказах о сражениях, происходивших за миллионы километров или миллионы лет от нас, звучала такая ностальгия, что Вуди просто задыхался от смеха — пожалуй, это была самая искренняя оценка, какую только мог заслужить у него талант такого рассказчика, как Макс.

Стремление к шутке проявлялось у Макса даже тогда, когда мы были с ним вдвоем — неважно, на улице или у него дома (он ни разу не побывал у меня). Правда, в этом случае все излагалось гораздо более сдержанно и, сказал бы я, строго, так что в отдельных моментах мне даже казалось, что он отнюдь не старается изобразить себя членом какой-то могущественной организации, ведущей на протяжении столетий боевые действия с целью изменить ход истории, а просто хочет доказать мне, что человек — это существо, наделенное воображением, и что нашей первейшей

обязанностью является развитие способности примерять к себе шкуру и разум существ, обитающих в других мирах, в других временах и в иных физических обличьях.

«Видишь ли, Фред, — сказал он мне однажды, — все объясняется развитием разума, этого ничтожного зернышка, прорастающего и пускающего корни через пространство и время. Но разум, словно паук, который плетет паутину от одного ума к другому, или как крот, прокладывающий свои ходы в глубинах подсознания, может развиваться бесчисленным количеством способов. И самые страшные конфликты — это войны на идеологической почве.

В конце концов, для меня было неважно, что он хотел сказать этим. Я старался придерживаться версии о его тихом помешательстве, и это был, на мой взгляд, единственно правильный способ поведения по отношению к ближнему (не важно, свихнувшемуся, или нет), по крайней мере, до тех пор, пока это можно было делать без насилия над собственной личностью. Общение с необычным человеком позволяет вам внести свежую струю в серость повседневности; к чему же пытаться погубить эту малость? В общем, это имеет непосредственное отношение к вашему умению жить,

к эстетике, в конце концов.

С тех пор, как я познакомился с Максом, мне приходилось немало размышлять об этом аспекте этики. «Будь ты солдатом или канцелярской крысой, проповедником или карманным воришкой, — сказал он мне однажды, — твое социальное положение не имеет никакого значения до тех пор, пока ты можешь придерживаться определенных этических принципов. Лучше проиграть с блеском, чем натужно побеждать в мелочах, потому что в этом случае ты не получишь никакого удовольствия от успеха».

Нужно сказать, что Макс понимал мои внутренние терзания даже без моих откровений на эту тему. Он любил подчеркивать, что военный человек привычен к отваге, что таким образом он натренирован. Цель воинской дисциплины — обеспечить, чтобы при наступлении часа испытаний (этих нескольких секунд, что могут наступить в любой момент) солдат действовал отважно, без раздумий и колебаний. Здесь нет ничего общего с якобы типичной для солдата чертой характера, которой лишены гражданские типы. Страх? Страх испытывают все, утверждал Макс, за исключением весьма редких случаев, связанных с проявлениями психопатии или

стремления к суициду. Единственная разница заключается в том, что у солдата страх не находится на сознательном уровне. Чем лучше он знает себя, свое окружение и ситуацию, с которой ему предстоит столкнуться, тем лучше он оказывается подготовленным к борьбе со страхом. В более общем виде эту мысль можно выразить следующим образом: если ежедневно подчиняться строгой дисциплине, требующей смотреть прямо вперед, если трезво оценивать могущие возникнуть препятствия и благоприятные ситуации, у вас будут все шансы на успех. Естественно, все это я представлял и раньше — кое-что я усвоил из книг, кое-что из бесед с ветеранами. Но мне всегда казалось, что эти же мысли, высказанные Максом, находили во мне гораздо более сильный отклик. Как я уже говорил раньше, Макс был именно тем другом, в котором я нуждался.

И вот этим вечером — а когда он рассказывал о Копенгагене, Копернике и Копейбаве, а мне почудились глаза, горящие красным светом в ночи, уже был поздний вечер, — мы возвращались домой пустынными улицами. Как раз в тот момент, когда мы вышли из лавки Сола, часы на университетской башне пробили одиннадцать. Я не думал ни о чем особенном; я просто провожал

своего товарища, любившего болтать о заумных вещах. Вскоре мы должны были оказаться у него дома, чтобы опрокинуть рюмку на посошок, прежде чем окончательно расстаться.

Короче говоря, я не думал ни о чем сверхъестественном.

И в тот момент, когда мы свернули за угол перед домом, где жил Макс, он остановился, как вкопанный.

Миниатюрная квартирка Макса (комната плюс закуток для барахла) располагалась на третьем этаже здания, сложенного из почерневших от времени кирпичей, выходя окнами на улицу. Все балконы, по старой моде, находились вплотную к пожарной лестнице, изрядно проржавевшей. Ее нижнее звено имело противовес и опускалось на тротуар только в случае, если кто-нибудь из жильцов решал спуститься вниз таким необычным способом; сомневаюсь, что необходимость в этом когда-либо возникала.

Естественно, я тоже остановился рядом с Максом, когда тот внезапно замер на месте без какого-либо предупреждения. Макс смотрел вперед и вверх, явно сконцентрировав внимание на своем балконе. Было очень тихо, и я не увидел ничего особенного, если не считать того, что Макс или

кто-то из жильцов оставил снаружи на пожарной лестнице большой сверток. Я не первый раз замечал, что это место служило для хранения всякого барахла, а иногда для сушки белья, несмотря на все предписания пожарной службы.

Итак, Макс продолжал стоять на месте, по-прежнему не сводя глаз с балкона.

— Послушай, брат, — пробормотал он наконец, — а что, если мы для разнообразия сходим на этот раз к тебе? Полагаю, твое давнишнее приглашение сохраняет силу?

Я тут же поддержал разговор в том же тоне:

— Спрашиваешь! Я же всегда предлагал зайти ко мне!

Я жил через два квартала от Макса; нужно было дойти до перекрестка, повернуть направо и еще немного пройти вперед.

— Прекрасно, значит, идем!

Я почувствовал в голосе Макса нотку нетерпения и уловил какую-то незнакомую вибрацию тембра. И мне показалось, что он почему-то торопится свернуть за угол. При этом он взял меня за локоть. Теперь он не смотрел на балкон, но я еще не успел отвести взгляд в сторону. В это время ветер неожиданно успокоился, и все вокруг затихло. И в тот момент, когда мы заворачивали

за угол на перекрестке (если быть точным, то первым повернул Макс, увлекая меня за собой), я успел увидеть, что большой пакет, выброшенный на лестницу, зашевелился, и в ночной тьме зажглись огоньки. Это была пара глаз, светившихся, как горящие угли и следивших за нами с высоты третьего этажа.

Внешне я сохранил полную невозмутимость. Мне показалось, что Макс ничего не заметил, но я был потрясен увиденным. На этот раз не могло быть и речи об окурках или стоп-сигналах автомобиля — и то, и другое было слишком неправдоподобно на пожарной лестнице на уровне третьего этажа. Я чувствовал, что должен, во что бы то ни стало найти рациональное объяснение случившемуся. Но, так или иначе, я был вынужден признать, что нечто чужое… да, точнее не скажешь… нечто чужое бродило по нашему району Чикаго.

В каждом большом городе есть свои опасности, которые можно считать нормальными — это ночные банды, черноблузники, садисты и прочие одержимые. Короче, типы, которых всегда — с большей или меньшей вероятностью — ты ожидаешь встретить на ночной улице. Но никто, думаю, не может быть заранее подготовлен к

встрече с чем-то совершенно чужим. Если вы услышали, как кто-то скребется в вашем подвале, то вы сразу подумаете о крысах. Разумеется, вы знаете, что крысы могут быть опасны. Но, в любом случае, вы не будете настолько напуганы, что не осмелитесь спуститься в подвал, чтобы посмотреть, в чем там дело. Вы ведь не ожидаете, что вместо крыс встретите там гигантских пауков-птицеядов…

Итак, ветра на улице в этот момент не было, и мы уже прошли примерно треть длины первого квартала, когда я услышал позади нас тихий, но отчетливый скрип металла, завершившийся громким стуком. Единственным объяснением этого стука мог быть удар об асфальт нижней части пожарной лестницы, опустившейся на землю под чьим-то весом.

Я продолжал шагать вперед, но мои мысли разделились надвое: одна их часть была обращена на загадочный предмет позади нас, другая же часть судорожно разрабатывала самые невероятные гипотезы. Например, я подумал, что Макс может быть преступником, сбежавшим из концентрационного лагеря, находящегося на другом конце Вселенной. Охваченный ужасом, я вообразил, что если бы такие лагеря существо-

вали в действительности, то они охранялись бы какими-нибудь чудовищными формированиями наподобие службы СС; само собой разумелось, что охранники должны были иметь в своем распоряжении собак, во всех отношениях подобных тому псу, которого я, как мне показалось, видел в окне лавочки Сола… И которого мог бы, по-видимому, увидеть еще раз, если бы осмелился бросить назад взгляд через плечо…

Казалось, нет в мире ничего более трудного, чем сжать зубы и заставить себя спокойно идти, а не кинуться куда-нибудь опрометью, потому что страх овладел всеми моими мыслями, всем моим существом. Нужно добавить, что молчание Макса отнюдь не помогало мне успокоиться.

Наконец, когда мы подошли ко второму кварталу, я почувствовал, что ко мне вернулось хладнокровие, и я смог рассказать Максу о том, что я увидел — или мне показалось, что я увидел — раньше в окне лавочки Сола и только что на пожарной лестнице. Реакция Макса поразила меня. Он спросил:

— Как расположена твоя квартира, Фред? Ты, кажется, говорил, что она находится на четвертом этаже?

— Да, это так. У меня там есть…

— Начни со входа, и рассказывай по порядку.

— Ты входишь сразу в гостиную, потом идет короткий коридорчик, затем в конце коридора кухня. В плане квартира похожа на песочные часы, понимаешь? В коридор выходят две двери — справа от входа дверь в ванную, слева — в мою спальню.

— Сколько окон в твоей квартире?

— Два окна в гостиной, одно в спальне. Между ними выходят отверстия вентиляционного канала. И еще два окна на кухне.

— Есть еще дверь на кухне?

— Да, дверь, которая выходит на балкон. Ах, да, чуть не забыл: эта дверь застеклена. Таким образом, можно считать, что на кухне три окна.

— А ставни? Они закрыты?

— Нет, я их никогда не закрываю.

Наш обмен вопросами и ответами был таким быстрым, что у меня не оставалось времени разобраться, что же было нужно Максу. Но он уже прекратил засыпать меня вопросами. Помолчав, он сказал:

— Послушай, Фред, я не требую, чтобы ты верил всему, что я наговорил у Сола — это был обычный трёп, чтобы поддержать беседу. Рассчитывать, что ты можешь поверить в это — значит, быть

слишком требовательным к тебе… Но это черный пес… Ты веришь, что он существует на самом деле? Нет, нет! — Он схватил меня за руку. — Только не оборачивайся!

Я с трудом сглотнул.

— Теперь я верю в это.

— Хорошо. Продолжай шагать в том же темпе. Мне очень жаль, что я впутал тебя, старина, в эту историю. Но теперь я должен попытаться спасти нас обоих. Для тебя будет самым правильным, если ты не будешь обращать на это существо никакого внимания, словно ты ничего не замечаешь и ничего не знаешь. Животное не догадается, что я тебе все рассказал; оно не решится напасть на тебя, а будет стараться добраться до меня так, чтобы ты ничего не заметил. Вероятно, некоторое время оно будет держаться на расстоянии, если решит, что такая тактика позволит ему быстрее сцапать меня. Но вести себя таким образом оно будет недолго, потому что его плохо выдрессировали. Я же за это время постараюсь установить связь с моим отрядом… Моей ошибкой было то, что я не пытался сделать это раньше… Надеюсь, они смогут вытянуть меня из ловушки. Думаю, мне нужно около часа, чтобы связаться с моими парнями. Это, Фред, и будет срок, который я про-

шу тебя обеспечить мне.

— Скажи, что я должен делать?

В это время мы поднялись на площадку перед входом в здание, и мне показалось, что я опять услышал позади нас шаги. Осторожный, едва слышный топот мягких лап. Макс скользнул в проем входной двери, которую я приоткрыл, и мы бросились вверх по лестнице.

— Как только мы будем у тебя, — прошептал Макс, — включи свет в гостиной и на кухне. Ставни не закрывай. Займись чем-нибудь, все равно, чем, лишь бы это выглядело естественно. Можешь читать, печатать на машинке, перекусить, если сможешь. Главное, чтобы твое поведение было совершенно обычным, непринуждённым. Если услышишь или почувствуешь что-нибудь — постарайся ничем не выдать себя. И главное: ни в коем случае не открывай ни дверей, ни окон. Старайся даже не смотреть в окна и не приближаться к ним. Я тебе специально говорю об этом, потому что тебя, скорее всего, будут заставлять поступать таким образом.

Короче говоря, старайся вести себя так, словно ничего особенного вокруг тебя не происходит. Если ты сможешь выстоять против них… против него хотя бы полчаса, до полуночи, если ты обес-

печишь мне это время, надеюсь, все кончится хорошо. И не забывай, что это единственный шанс на спасение не только для меня, но и для тебя.

— А ты? — спросил я, шаря по карманам в поисках ключей. — Что ты собираешься…

— Я сразу же закроюсь в твоей спальне. Обо мне не думай. Что бы тебе ни пришлось услышать, ни в коем случае не заходи ко мне. У тебя там найдется розетка? Мне понадобится электричество.

— Розетка? Розетка есть. Но в последнее время в спальне у меня перегорело несколько лампочек — наверное, что-то не в порядке с проводкой во всем блоке.

— Сойдёт, — проворчал Макс, входя вслед за мной в квартиру.

Я включил в гостиной Бра, затем зажег светильники на кухне и подошел к Максу, присевшему к письменному столу.

Отодвинув в сторону пишущую машинку, он что-то писал на листке зеленой бумаги, которую, очевидно, он принес с собой. Закончив, он протянул листок мне.

— Спрячь его в карман и носи с собой два-три дня.

то был листок обычной цветной бумаги. Я уви-

дел, что на нем было написано всего несколько слов. Сверху — «Мой дорогой Фред», а в самом низу — «Твой друг Макс Бурнеманн». И больше ничего. Я посмотрел на Макса.

— Что это значит?

— Делай, что я тебе сказал!

Это было сказано резким, не терпящим возражений тоном. Но, когда я отшатнулся от него, несколько испуганный, на лице Макса появилась широкая дружеская улыбка.

— Все нормально, не беспокойся. Ну, а теперь — за работу.

И он прошел в спальню, закрыв за собой дверь.

Я сложил зеленую бумажку и спрятал ее во внутренний карман куртки. Затем взял с полки книгу, взял не глядя, с самого верха, где у меня стоят книги по психологии. Усевшись на диван, я раскрыл её на первой попавшейся странице и стал читать, не понимая ни одного слова.

Теперь у меня появилась возможность подумать. С того момента, когда я рассказал Максу о двух красных глазах, я успевал только слушать, стараясь держать себя в руках. И еще шагать. Теперь, наконец, я удобно устроился у себя дома и мог спокойно поразмышлять.

— В конце концов, это просто глупо, — сказал

я себе. — Тебе показалось, что ты увидел что-то странное, пугающее? Ну и что? Была ночь, ты не разглядел ничего определённого. Наверняка можно найти весьма простое логичное объяснение присутствию этого сгустка мрака на пожарной лестнице. Макс тут же уловил, что я струхнул, а когда ты рассказал ему обо всём остальном, он решил разыграть тебя в привычной для него манере. Можно поспорить на что угодно, что сейчас он тихо веселится, развалившись на твоей кровати и прикидывая, сколько времени у тебя уйдет на то, чтобы…

Внезапно за окном пронёсся порыв сильного ветра — словно кто-то снаружи потряс оконную раму. Интенсивность шума сначала нарастала на протяжении нескольких секунд, а потом всё резко оборвалось. Несмотря на наступившую тишину, у меня осталось ощущение какой-то скрытой угрозы. Казалось, что не ветер, а нечто более материальное продолжало оказывать давление на хрупкую стеклянную преграду.

Я не повернул голову к окну, даже на мгновение не взглянул в ту сторону, хотя мне хорошо было известно, что вдоль здания с этой стороны не было ни пожарной лестницы, ни даже узкого карниза. Может быть, я вел себя таким образом

именно потому, что я уже ЗНАЛ? Я не шевелился, уставившись в книгу, которую не читал, с бьющимся сердцем, охваченный с ног до головы ледяным холодом, ощущая близкое присутствие чего-то кошмарного…

Теперь я полностью отдавал себе отчёт в истинной причине своей первоначальной недоверчивости: это был инстинктивный рефлекс самозащиты при столкновении с непонятной опасностью, когда я полностью признал существование пса мрака (о чём я уже сказал Максу), невидимых сил зла, о которых никто даже не подозревает, но для которых вся наша Вселенная — всего лишь поле вечных сражений. Что же касается Макса, то он, несомненно, был сбившимся с пути скитальцем во времени, отчаянно пытающимся сейчас с помощью каких-то фантастических приёмов связаться со своим руководством и позвать на помощь. Да, теперь я верил в невероятное, в существование смертельно опасного представителя чудовищных сил, зловещего создания, блуждающего по улицам Чикаго.

На этом ход моих мыслей оборвался. На дальнейшее моего воображения просто не хватало, и поэтому я стал непрерывно прокручивать в голове одни и те же мысли, одни и те же предпо-

ложения, с каждым разом делая это все более и более судорожно. Казалось, что мой череп вот-вот лопнет, не выдержав нагрузки… Внезапно у меня возникло безрассудное и необъяснимое желание повернуть голову. Повернуть ее к окну и взглянуть…

Тем не менее, я успешно сопротивлялся, заставляя себя сидеть с открытой книгой на коленях. Я читал:

«Архетип Юнга опрокидывает все барьеры пространства и времени. Более того, он может освободиться от принципа причинности. Он обладает способностью к познанию, явно имеющую мистические свойства. Согласно Юнгу, душа — это реакция личности на подсознание. У любой личности она включает в себя два элемента: мужской и женский, анимус и аниму…»

Что касается последней фразы, то я прочитал её по меньшей мере раз десять — сначала всю сразу, очень быстро, потом медленно, каждое слово по отдельности, так что в итоге она потеряла для меня всякий смысл, и я не смог продолжать гипнотизировать себя этим текстом.

До моих ушей донеслось потрескивание оконного переплета. Я положил книгу, встал и, глядя строго перед собой, прошел на кухню, взял при-

горшню печенья, открыл холодильник…

И коварное потрескивание, результат яростного напора, с которым таинственное существо атаковало окно, тут же последовало за мной. Этот звук долетел до меня сначала от первого окна кухни, затем от второго, потом от застеклённой двери. Но у меня оставалось ещё достаточно сил, чтобы сдержаться и не смотреть в ту сторону.

Я вернулся в гостиную и остановился в нерешительности перед пишущей машинкой, в которую был вставлен чистый лист бумаги. Потом уселся на диван поблизости от окна, положил на стоявший рядом столик печенье, поставил бутылку молока и снова взялся за книгу по психологии.

Шум за стеклом немедленно возобновился, но теперь он был намного сильнее, словно существо начало проявлять нетерпение.

Я попытался найти место, на котором прервал чтение, но без успеха. Затем я взял печенье, но тут же положил его назад. Протянув руку к бутылке с холодным молоком, я сразу же почувствовал, как горло перехватил спазм. Взглянув на пишущую машинку и вспомнив о листке зеленой бумаги, переданном мне Максом, листке, на котором ничего не было написано, я внезапно понял смысл этого: каким бы ни был исход этой ночи,

Макс дал мне возможность напечатать над своей подписью любой текст, снимающий с меня могущие возникнуть подозрения. Например, фразу, говорящую о его намерении покончить с собой. Независимо от того…

Сильный удар потряс окно, словно на него обрушился порыв ураганного ветра. Внезапно мне пришла в голову мысль о том, что если мне и нельзя было смотреть прямо в окно, чтобы не предать таким образом Макса, то я мог исхитриться и сделать так, ничем не рискуя, чтобы окно оказалось в поле моего зрения всего на несколько мгновений. Например, я мог бросить взгляд на настенные часы, висевшие позади меня. При условии, конечно, чтобы при этом взгляд не задержался на окне. Кроме того, я должен был постараться ничем не выдать себя, если бы увидел что-нибудь.

Я собрал все свое мужество; меня немного успокаивала надежда, что я ничего не увижу за окном. Ничего, кроме ночного мрака. И я повернул голову к часам, постаравшись, чтобы это движение выглядело возможно более натуральным.

И я увидел…

Я увидел его. Увидел даже дважды, потому что он метался взад и вперед перед окном. И, хотя я

даже не моргнул, ничем не выдав себя, биение моего сердца, поток мыслей — все слилось в единую страшную пульсацию; мне показалось, что мои мозг и сердце мгновенно вышли из строя.

Всего в нескольких сантиметрах за стеклом я увидел лицо, маску или морду, часть мрака, более черного, чем окружавшая его темнота. Огромная тварь — сторожевой пес, тигр, гигантская летучая мышь, или человек — в ней было нечто от каждого существа; скорее, это была чудовищная пародия одновременно на человека и на животное; это было существо, наделённое демоническим разумом, но несущее отпечаток невыразимой злобы, благодаря чему оно оказывалось вне понятий о жалости и человечности. Я успел увидеть свирепо вздёрнутую губу, приоткрывшую блестящие клыки, острые и длинные, похожие на стилеты. И я увидел глаза, похожие на пылающие угли.

Мой взгляд не задержался на чудовище, я не моргнул, не заколебался ни на секунду. Сердце и мозг выдержали страшный шок. Я встал, подошёл к столу с пишущей машинкой и начал печатать. Но только через добрый десяток секунд перед моими глазами рассеялся багровый туман, и я смог увидеть то, что печатал.

«Рыжая лиса быстро перепрыгнула через чёрную собаку…»

Я печатал всё, что приходило мне в голову. Пожалуй, это было лучше, чем попытка читать — по крайней мере, я делал что-то, занимался тем, что давало мне ощущение занятости хоть каким-то конкретным делом. На бумаге одна за другой появлялись строчки:

«Наступил момент, когда все люди доброй воли…» — первая фраза Декларации Независимости; потом первый абзац Конституции; шесть строчек монолога Гамлета — правда, почему-то без знаков препинания; третий закон Ньютона; «У Мэри была собака, вся…»

Мысленный образ настенных часов, который до этого момента не смог воспроизвести мой помрачившийся разум, неожиданно возник передо мной в потоке обрывков фраз. Стрелки часов, находившиеся под прямым углом друг к другу, приближались к числам 21 и 24.

Я заложил в пишущую машинку очередной лист бумаги. Первая строфа «Ворона»; клятва верности звездно-полосатому знамени; отрывок из романа Томаса Вулфа; молитва «Отче наш»; «То, что прекрасно — истинно…»

И всё это время кошмарное создание настой-

чиво и безостановочно металось от одного окна к другому, совершая круги адского патрулирования вокруг здания. Из спальни не доносилось ни звука. В конце концов чудовище остановилось за застекленной дверью кухни. Я услышал, как под его нажимом жутко застонали стекло, дерево и металл.

— Ты поставлен здесь часовым, — твердил я. — Ты стоишь на посту, чтобы спасти Макса и самого себя.

Затем в мозгу появилась другая мысль, предательская и коварная. «Если добровольно открыть дверь и впустить его… Если отпереть дверь на кухне, а затем открыть дверь в спальню, существо не причинит тебе зла…»

Я отчаянно боролся с этим наваждением, против всё сильнее и сильнее подавлявшего мою волю желания встать, подойти к двери и… Это совершенно непреодолимое стремление, казалось, не зависело от моей воли, словно было продиктовано неумолимой посторонней силой.

Я упорно продолжал печатать. «Форд», «Бьюик», все остальные марки автомобилей, которые я только мог вспомнить; слова из четырёх букв; алфавит, сначала прописными, затем строчными буквами; все знаки пунктуации; вся клавиатура

пишущей машинки справа налево, слева направо, сверху вниз и снизу вверх и по диагонали… Очень быстро я покончил с запасом чистой бумаги, но продолжал печатать, словно свихнувшийся автомат, тупо глядя на буквы, нечетко отпечатывающиеся на черной резине валика.

И наваждение победило. Я больше не мог сопротивляться. Во внезапно наступившей тишине я встал и направился к застекленной кухонной двери. При этом смотрел себе под ноги, стараясь шагать как можно медленнее…

Прикоснулся к дверной ручке, потрогал торчавший из замочной скважины ключ, прислонился к двери. Казалось, будто сама дверная панель стремится преодолеть мои последние отчаянные попытки сопротивления с такой силой, что только вес моего тела не позволял ей разлететься вдребезги.

В этот момент откуда-то издалека донеслись звуки часов, отбивавших полночь. Один удар, второй…

И, поскольку я больше не мог сопротивляться ни секунды, я повернул ключ.

В квартире погас свет. Неудержимый порыв швырнул дверь на меня. Через распахнутый дверной проем пронеслась какая-то неясная мас-

са, слегка задев меня; что-то похожее на ледяной взрыв, в котором проблескивали язычки огня.

Почти сразу же открылась дверь в спальню. Потом я услышал, как часы на университетской башне отбивают последние удары: одиннадцать… двенадцать…

Затем… А затем ничего не было. Совершенно ничего. Все страхи, все наваждения внезапно оставили меня. Появилось ощущение, что я остался в квартире один. Совершенно один. Я чувствовал это всеми фибрами своего существа.

Некоторое время, наверное, минут пять, я не шевелился. Потом закрыл дверь и отправился искать свечу, чтобы осмотреть квартиру.

Никаких следов Макса. Я, разумеется, знал заранее, только подходя к спальне, что его там уже нет. Но я ничего не знал о его судьбе и совершенно не представлял, какие последствия могла иметь для него моя слабость. Я рухнул в постель и заплакал. Через некоторое время я погрузился в сон.

* * *

На следующий день я встретил управляющего и сказал ему о неполадках с электричеством.

— Я знаю, — проворчал он, странно поглядывая на меня. — Утром я уже заменил предохранители.

Но такое я видел впервые — у коробки с предохранителями не осталось ни одного целого стекла, а все металлические детали внутри расплавились.

Вечером я получил послание от Макса. В конце дня я обычно гуляю в парке, и в то время, когда я сидел на скамейке на берегу пруда, я внезапно почувствовал, что у меня на груди кармане очутилось что-то обжигающее. Сначала я подумал, что мне за воротник упала горящая сигарета, но тут же понял, что сильно нагрелся внутренний карман куртки. Это был тот самый листок зелёной бумаги, который оставил мне Макс; сейчас над ним поднималась тонкая струйка дыма.

Я развернул листок и прочитал несколько фраз, написанных торопливым почерком. Дымок шёл от букв, которые чернели на глазах.

«Я подумал, что тебе будет приятно узнать, что всё закончилось хорошо. Однако, при этом мне порядком досталось! Но теперь всё позади, я присоединился к своим ребятам. Надо сказать, что это произошло очень своевременно. Спасибо тебе — ты послужил мне в этом деле отличным арьергардом!»

Текст был написан той же рукой (или нужно было сказать: той же мыслью?), которая накануне нацарапала на этой бумаге обращение сверху и

поставила внизу подпись.

Бумага разом вспыхнула. Я отбросил её в сторону, и двое мальчишек, возившихся поблизости с корабликами, с подозрением уставились на меня. Я смотрел, как бумага горит, чернеет, превращается в пепел и рассыпается в труху.

Я кое-что понимаю в химии, во всяком случае, достаточно, чтобы представлять, что бумага, пропитанная влажным белым фосфором, воспламеняется, как только высохнет. Точно так же я знаю, что есть много рецептов чернил для тайнописи; текст, написанный этими чернилами, проявляется только при воздействии на бумагу тепла — это называется химической тайнописью.

И, наконец, есть способы писать текст на расстоянии — телеписьмо, как я это называю. Таким письмом, написанным на расстоянии, является, к примеру, обычная телеграмма.

Возможно, существуют какие-то другие процессы, позволяющие соединить два первых, то есть, химическую тайнопись, проявляющуюся на расстоянии при воздействии мыслью на написанное… Возможно, расстояние может быть как угодно большим.

Я ничего не знаю об этом. Не знаю, вот и всё,

что могу сказать. Когда я вспоминаю последний вечер в компании с Максом, в памяти возникают детали, в которых теперь я уже не могу быть полностью уверен. Но есть и другие моменты, в реальности которых у меня нет ни малейших сомнений.

Когда Вуди, Лейтенант или кто-нибудь другой из нашей компании спрашивает меня: «Ну, а Макс? Есть новости от него?» — я ограничиваюсь тем, что пожимаю плечами. Но если они заводят разговор о каком-нибудь сражении, когда им приходилось прикрывать тылы отходящих частей, или о любых других действиях арьергардного отряда, в которых они принимали участие, мне сразу вспоминается другой случай, когда нужно было задержать противника. Это мой случай. Я никому и никогда ни слова не рассказывал об этом, но у меня нет ни малейшего сомнения в том, что я действительно провёл целый час в арьергардном бою, прикрывая отступление друга.